

§6 СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МОНИТОРИНГ

В.М. Розин

ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ НОВОЙ ТИПОЛОГИИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Аннотация: В статье обсуждаются три основные темы: история и особенности социального проектирования, пример интересного социального проекта «Донор» и методология типологических исследований и разработок. Автор показывает, что так и не удалось преодолеть два основных недостатка, присущих социальным проектам. Один – низкая проектосообразность: социальные проекты или утопичны или подменяются социальными манифестами, концепциями, программами, другой – искажение или выпадение социальных параметров, предъявляемых к проектируемому объекту. Однако вероятность успешной реализации социального проекта возрастает, если удается: обеспечить социальный проект административной поддержкой; получить средства на его реализацию; создать команду, задача которой реализация проекта, причем в неё должны входить методологи; провести исследования, необходимые для разработки и реализации социального проекта. Последнее иллюстрируется на примере социального проекта «Донор». Во второй части статьи анализируется современная ситуация, сделавшая необходимым разработку новой концепции типологии архитектурно-строительных объектов. Обсуждается понятие типа и его трансформация в наше время, а также стратегия построения новой типологии. Формулируется дилемма – построение типологии архитектурных объектов или типологии форм поведения человека в городе, причем автор склоняется ко второму варианту.

Ключевые слова: Философия, типология, тип, условия, ситуация, норма, реализация, проект, институт, система

1. Особенности социального проектирования

Наша власть всегда была склонна к большим проектам, большинство из которых были социальными (последние из таких проектов – Сколково, реформирование армии и образования). Но что такое социальный проект, чем он отличается от обычного? Специфика социального проекта в двух моментах: при его разработке используются знания социальных наук (социологии, социальной психологии, экономических наук, культурологии и др.) и проектировщик сознательно закладывает в проект социальные параметры и характеристики. Остальные особенности социального проектирования мало чем отличаются от обычного «нетрадиционного проектирования»¹.

В целом, как показывает анализ, так и не удается преодолеть два основных недостатка, присущих социальным преобразованиям и проектам. Один – низкая проектосообразность: социальные проекты или утопичны, не реализуемы, или подменяются социальными манифестами, концепциями, программами, другой – искажение или выпадение социальных параметров, предъявляемых к проектируемому объекту. Например, социальное проектирование 20-30-х годов, ставившее своей целью создание новой культуры и человека, реально позволило создать не новые социальные отношения или человека, а новые заводы, дома-коммуны, клубы, дворцы культуры; проекты микрорайонов или экспериментальных жилых районов 60-70-х годов привели не к новым формам общения и соци-

¹ Розин В.М. Проектирование как объект философско-методологического исследования // Вопросы философии. 1984.

№ 10; Розин В.М. Философия техники. От египетских пирамид до виртуальных реальностей. М., 2001.

ализации (как замышлялось), а всего лишь к новым планировкам и благоустройству, проекты региональных социокультурных преобразований на селе оказались утопичными и т.д.

Какие же проектные процедуры и принципы реализуют сегодня в своей работе социальные проектировщики? Во-первых, проектируя, они замышляют новый объект, новое качество социальной жизни. Во-вторых, происходит разработка замышленного объекта: учет и согласование требований, предъявляемых к объекту (заказчиком, проектировщиком, согласующими инстанциями, потребителями и т.д.), конструктивное задание основных элементов и связей объекта и т.д. По сути именно двумя указанными процедурами и ограничивается проектная культура современного социального проектировщика.

Как это ни парадоксально, социальный проектировщик опирается на знания социальных наук в минимальной степени, он именно конструирует новые связи и отношения, приписывает их действительности без достаточного основания, принимает желаемое за действительное. Одна из причин, по которой проектировщики почти не обращаются к социальным наукам – неудовлетворительность социальных знаний. Известно, что знания социологии, социальной психологии, политэкономии, культурологии, политологии и других – описывают главным образом существующее, сложившееся состояние дел, в то время как проектировщику нужно знать, как будут вести себя социальные феномены (люди, группы, сообщества, социальные институты и т.д.) при изменившихся условиях в ближайшем или более отдаленном будущем (Социальное прогнозирование сегодня крайне неэффективно, не секрет, что качество социальных прогнозов значительно ниже качества социальных теорий, которые сами несовершенны). Важно также, чтобы в число факторов подобного изменения входили и те, которые создает сам социальный проектировщик, запустивший, инициировавший своим проектом определенное социально-культурное действие и процесс изменения.

По другой причине социальные проектировщики не учитывают при разработке проектов «технологии изготовления новых объектов». Здесь дело не в отсутствии знаний или их неудовлетворенности, а в том, что сегодня вообще неясно, что такое внедрение социального проекта, в чем оно состоит, какие стадии проходит. Не осознавая этого, социальные проектировщики мыслят внедрение по аналогии с реализацией обычных проектов. Однако в сфере социального действия

нет ни разделения труда между проектированием и изготовлением, как в традиционном проектировании, ни самой стабильной сферы изготовления. Кроме того, реализация социальных проектов включает целый ряд процессов (проектные инициативы, поддержку привлекательных проектов различными группами населения, прессой или ведомствами, создание под проект инфраструктур, организацию различных областей изготовления, преодоление сопротивления определенных групп населения или учреждений и т.д.), которые совершенно не укладываются в привычное понимание процесса реализации проекта. В частности, и потому, что заставляют неоднократно менять сам проект или создавать новые.

Это так сказать, теоретические причины затруднений с реализацией социальных проектов, но существуют еще социальные. Нередко в социальных проектах заинтересованы будущие пользователи, но власть и те, от кого реально зависит реализация таких проектов, реально против них. На словах они, как правило, «за», но принимать нужные решения или выделять средства на реализацию социальных проектов, чиновники не хотят.

Анализ показывает, что вероятность успешной реализации социального проекта возрастает, если удается создать ряд условий:

- обеспечить социальный проект административной поддержкой;
- получить средства на его реализацию;
- создать команду, задача которой реализация проекта, причем в неё должны входить методологи;
- провести исследования, необходимые для разработки и реализации социального проекта.

Вот один пример – разработка проекта «Развитие массового безвозмездного донорства крови»² (далее кратко «Донор»).

2. Анализ проекта «Донор»

В России с 90-х годов начало падать число доноров, дойдя к 2007 году до 11 человек на 1000 донороспособного населения (в то время как в Европе – 40 ч., а в США – 60 ч. на 1000). Причин этому много, в том числе давно не переоборудовались станции переливания крови (СПК), они не отвечали современным требованиям; донорство потеряло свой высокий социальный статус и т. п. Возникла острая проблема – вос-

² <http://www.yadonor.ru>

становления системы сдачи крови в стране. Её решение предполагало, в том числе, проведение научных исследований.

При разработке проекта «Донор» нужно было минимизировать препятствия, приводящие к выхолащиванию социальных параметров и невозможности реализации социального проекта. К таким препятствиям в общем случае можно отнести: отсутствие у ключевых субъектов заинтересованности в социальных изменениях, низкое финансирование социальных проектов, отсутствие команды компетентных социальных проектировщиков, недостаточность знаний об основных социальных процессах и обеспечивающих эти процессы условиях, невключенность в проектирование заинтересованных социальных субъектов, деятельность ряда чиновников, использующих социальный проект в личных целях, а не по назначению (главным образом для получения административной ренты – взятки, откаты, создание нужных для получения ренты условий и окружения и прочее)³.

Первое препятствие в данном случае отсутствовало, поскольку основные ключевые субъекты были крайне заинтересованы в реформировании службы крови. Именно поэтому удалось разрешить и второе затруднение. Проект «Донорство» был хорошо обеспечен в финансовом отношении; на его осуществление постановлением правительства РФ от 21 июня

³ Не секрет, что деятельность наших предприятий и социальных структур в значительной степени зависит от отношений с властями и чиновниками разных уровней. Эта зависимость обусловлена двумя обстоятельствами: самой природой власти, постоянно стремящейся подтвердить и расширить свой властный потенциал (полномочия), а также желанием получить из своего места и статуса доход (ренту). С одной стороны, чиновник должен поддерживать свой институциональный статус, изображая эффективную работу (поскольку именно его место приносит доход), с другой – он изобретает *схемы*, позволяющие так трансформировать свой статус и место, чтобы они давали ренту.

Примерами таких схем являются откаты, расширение контролируемых функций, откладывание под разными предлогами принятия решений и другие. С.Б.Мирзоев показывает, что дело чаще всего идет не об отдельных случаях получения незаконного вознаграждения за работу, положенную чиновнику по статусу, а о настоящем «рентостроительстве», когда, чтобы получать из своего места постоянный, а лучше, всё увеличивающийся доход, чиновник лоббирует принятие нужных законов или инструкций, подбирает на нужные должности «своих», устанавливает правила и регламенты, работающие именно на извлечение ренты (из доклада С.Б. Мирзоева «Институциональная коррупция» 18 .02.2011. <http://www.fondgp/lib/seminar/2010-2011/institut/6>).

2008 г. N 465 «О финансовом обеспечении в 2008 году за счет ассигнований федерального бюджета мероприятий по развитию службы крови» было выделено 16 миллиардов руб.

Хотя квалифицированных социальных проектировщиков в России фактически нет, при том что социальное проектирование широко распространено, для разработки и реализации проекта «Донор» удалось сформировать достаточно эффективную команду.

Проект лично курировала Министр здравоохранения и социального развития России Татьяна Голикова (министр с 2007 по 2012 гг.). Еще один важный участник, Федеральное медико-биологическое агентство во главе с Владимиром Уйба. Непосредственной технической реализацией проекта занимались Департаменты Минздравсоцразвития. Кроме того, в проект были включены главные внештатные профильные специалисты министерства, руководители ведущих гематологических учреждений страны, представители общественных организаций. Не последнюю роль в формировании и реализации программы осуществили два методолога (Ю.Грязнова, С.Малявина, на тот момент – помощник Министра) с командой специалистов по коммуникациям (в составе отдела по приоритетным коммуникационным проектам министерства).

Команда социального проекта «Донор» была интересна еще в одном отношении. А именно, она обладала сильным *административным ресурсом*, облегчавшим реализацию социального проекта (просьбы и предложения, исходящие от Минздравсоцразвития и ФМБА, адресованные различным органам власти или общественным организациям, выполнялись охотно и достаточно быстро); причем в данном случае этот ресурс полностью работал на социальное благо, а не против населения.

Поскольку на разработку и реализацию проекта были выделены большие средства и поскольку, можно было предположить, что эгоизм российских чиновников не может быть блокирован никакими гуманистическими соображениями (недостаток крови в стране для чиновников тоже не аргумент), постольку команда разработчиков продумала и реализовала ряд мероприятий, направленных на разрешения указанного препятствия (смена команды управления, перенос финансирования в регионы и др.). Вообще можно заметить, что реализация современных крупных социальных проектов обязательно предполагает продуманные действия, блокирующие деятельность участников проекта или деятельность курирующих проект

чиновников, направленные на использование проекта не по назначению.

Теперь, по поводу недостаточности социальных знаний, необходимых для разработки и реализации проекта. На первый взгляд, кажется, что *основной рабочий процесс* здесь очевиден: это *сдача крови донорами*. Но почему, спрашивается, население не сдает кровь в нужном для спасения и лечения больных количестве? Люди не ходят сдавать кровь по многим причинам: боятся заразиться, нет мотивации, неудобный график сдачи, отталкивают плохо оборудованные службы крови и т.п. Нужно, рассуждали разработчики проекта, добиться, чтобы они вновь захотели сдавать кровь. Что для этого необходимо сделать? Может быть, организовать компанию, призывая граждан сдавать кровь? Но этот инструмент работает только пока идет коммуникационная кампания, рассчитанная всего на 3 года. А ведь после неё должны остаться регулярные доноры. Кроме того, на уровне коммуникации можно, действительно, склонить человека сочувствовать донорам, но трудно сделать его донором. И тем более, возродить донорство в массовом масштабе.

Итак, сдача крови в данном случае, вероятно, только верхушка айсберга. Судя по всему, не менее важный процесс – *принятие человеком решения сдавать кровь*. В свою очередь это решение зависит от многих обстоятельств, но главным образом от того, как человек понимает донорство (понимает и, с точки зрения социального значения донорства для личности, и, с точки зрения условий реализации желания сдать кровь).

Нащупывая правильный путь, разработчики проекта «Донор» рассуждали следующим образом. *Чтобы принять решение сдавать кровь, человек должен сказать себе: «Я – донор и это здорово». В разных модулях: я могу быть донором, я должен быть донором. То есть подразумевается новая идентичности человека, причем эта идентичность должна быть массовой, действовать регулярно. Донорская идентичность не может быть героической, реализованной однократно (если мы говорим про массовый масштаб), регулярной только для выдающихся личностей. Как любая массовая идентичность – она предполагает других людей и твердые, постоянные социальные условия. Не идет ли в данном случае речь о социальном институте? Примерно таким образом разработчики проекта вышли на необходимость институциональной идентификации, к задаче построения института донорства, где донор – лишь одна из фигур. Доноров много там, предполагали они, где донорство существует*

как социальный институт. Там, где наблюдается сегодня (как, например, в Европе или США) или в прошлом (как, например, в СССР) достаточное для уровня развития современной медицины количество доноров и донорской крови, одновременно, констатируется наличие социального института донорства.

Что означает гипотеза о донорстве как социальном институте? То, что на донорство можно перенести основные характеристики института а, поскольку кроме того речь идет о возобновлении донорства в новых условиях, необходимо учесть и характеристики становления социального института. Вот эти характеристики.

Процесс становления запускается «социальным напряжением», требующим своего разрешения, осознаваемым позднее, при становлении социального института, как вызов, социальная проблема. Это так сказать, первая структурная характеристика процесса становления социального института.

Вторая характеристика – *наличие сообществ или популяций, заинтересованных в решении данной проблемы*. Эти сообщества создают и продвигают новообразования, тем самым, способствуя появлению новых институтов. Как правило, в процессе формирования социальных институтов принимают участие не одно заинтересованное сообщество, а два-три.

Следующая характеристика процесса становления – *изобретение средств* (новых схем и процедур), позволяющих разрешить проблемную ситуацию.

Четвертая, возможно, завершающая характеристика становления нового института – его *осознание и самописание*. Именно здесь формулируется миссия нового института, описываются характерные для него процедуры, создаются институциональные правила, в какой-то форме обсуждаются интересы институциональных сообществ⁴.

Как уже ставшее социальное образование институт выполняет определенные функции (разрешает социальные проблемы) и устойчиво воспроизводится, а, следовательно, институт – способ жизнедеятельности в какой-то мере осознанный и доступный в смысле освоения заинтересованными социальными популяциями. Именно поэтому разработчики подчеркивали, что решение сдавать кровь и реальная практика донорства не должны быть одноразовыми действиями.

Собственно идею донорства как социального института выдвинули разработчики-методологи

⁴ Розин В.М. Становление и особенности социальных институтов. М., 2012.

(Ю.Грязнова, С. Малявина), которые отвечали за содержательную и идейную сторону проекта. Выйдя на данную гипотезу, они сделали очень важную часть дела в плане задания донорства как *объекта социального проектирования*. Вторая часть, которую тоже сформулировали они же, – уяснение того, что донорство как социальный институт еще нужно было сформировать. При этом возникал такой вопрос: на какой идеал социального института необходимо ориентироваться – бывший в СССР или современный, западный?

Проецируя на донорство представления о социальном институте и его становлении, разработчики включили в *принципиальную схему института донорства* следующие составляющие: *органы власти, СПК, общественные организации, регулярные доноры*, а также потенциальные участники института – *первичные доноры и будущие потенциальные доноры*. Чтобы понять, какие факторы могут влиять на принятие решения сдавать кровь, а также вписать институт донорства в культуру (социум), в принципиальной схеме были представлены и *другие институты*, а именно, СМИ, Бизнес, Образование, Религиозные конфессии, различные общественные (не донорские) объединения.

Анализ современной российской ситуации, который провели разработчики проекта, показал, что в настоящее время донорскую реальность лучше всего описывает «смешанная модель». В данной модели участвуют и государство и общественные организации. Служба крови отвечает за общий «банк крови», распределяемый по лечебным учреждениям централизованно и без привязки к локальным клиникам. Сбором и заготовкой компонентов, а также привлечением доноров занимается служба крови. НКО помогают государству, как на национальном, так и на местном уровне. Сегодня в России получает развитие именно эта модель. В Европе похожая система работает в Великобритании. Именно смешанная модель была представлена в принципиальной схеме института донорства.

Построение принципиальной схемы института донорства было заслугой методологов. Именно они «положили», задали, как бы сказали проектировщики, *исходный эскиз проектируемого социального объекта, в котором были воплощены ценности и идеалы разработчиков, а также первые характеристики будущего объекта (системы донорства)*. Теперь пришла очередь его *конструктивизации*, т.е. разработки и конкретизации. Стоит обратить внимание, что эскиз системы донорства описывал не характеристики улучшенной, но существовавшей ранее системы, а принципиально новой системы.

Действительно, реальная ситуация в России с донорством была весьма далека от желаемой, а существовавший в СССР институт, по сути, деградировал. Целью и проектирования и управления было *создание нового института донорства*, совмещающего в себе лучшие черты отечественного и западного опыта. Но анализ ситуации в 2008 году показал, что основные структурные элементы этого нового института донорства либо отсутствуют вообще, либо не удовлетворяют в полной мере проектным требованиям. Поэтому была поставлена задача создания нового института донорства и сделаны первые шаги в этом направлении. При этом *процесс институционализации* (становления нового института), как показал опыт работы, включал в себя два основных звена: с одной стороны, *конституирование социального института*, с другой – процессы *самоорганизации*.

В целом проведенные методологические и теоретические прикладные исследования позволили разработать и выполнить в 2008-2009 гг. следующие действия (мероприятия):

- детальное информирование населения России о базовой социальной потребности, которую удовлетворяет институт донорства, её масштабах и последствиях в случае невыполнения институтом донорства своих функций;
- формулирование и формирование ценностей института донорства (донорство – норма жизни, донорство – это полезно, донор – здоровый человек и т.п.);
- выявление основных участников института донорства, стимулирование их активности;
- создание стандартов и норм коммуникации, взаимодействия и поведения как внутри отдельных социальных организаций и позиций, так и между ними;
- создание символики и фирменного стиля Службы крови, с которым идентифицируется институт донорства в целом, проведение символических акций (Всемирная видеоконференция, Форум службы крови, отдельные акции в регионах);
- формирование коммуникации и взаимодействия службы крови с другими социальными институтами, указанными на принципиальной схеме донорства.
- задание традиционных мероприятий для института донорства.

Проект «Донор» можно считать успешным; россияне пошли сдавать кровь, и пошли хорошо⁵.

⁵ http://www.yadonor.ru/ru/service/interviu/index.php?id_41=38

Успех программы «Донор» не в последнюю очередь был обусловлен участием в команде социального проектирования и управления методологов. Именно они предложили стратегию решения проблемы и осуществляли идейное и методологическое сопровождение социального проекта. Поэтому имеет смысл охарактеризовать основные принципы их работы.

– Методологическое проектирование, исследование и сопровождение входят органической частью в преобразование сложившейся ситуации и становление интересующего общества феномена.

– Для целей управления преобразованиями необходимо различать два взаимосвязанных горизонта: собственно *преобразования* как *искусственный* план и *становление феномена* как план *естественный*, причем *преобразования* и *методологическая работа участвуют в становлении данного феномена*. Так методологическая работа и различные мероприятия, направленные на создание института донорства делали вклад в становлении этого института.

– Особенности и характеристики становящегося феномена (целого) выявляются и определяются на методологических схемах и дальше уточняются и доводятся в процессе реализации методологического проекта.

– Необходимое условие конкретизации и нужного видоизменения методологического проекта – *исследование* подсистем, единиц и отношений становящегося феномена, выявляемых на методологических схемах. Другое условие – *формирование* подсистем, единиц и отношений, заданных методологическими схемами, поскольку «естественные составляющие» становящегося феномена конституируются в целенаправленных преобразованиях (обучении, переобучении, коммуникационных компаниях и прочее).

– Эффективность методологических схем и проекта обусловлена не в последнюю очередь тем, насколько правильно выявлена социальная проблема, есть ли в обществе потребность в предлагаемых изменениях (например, при реализации проекта «Развитие донорства» выяснилось, что у многих россиян существует острая потребность в осмысленных, общественно значимых делах), обеспечено ли методологическое управление и сопровождение.

– Методологические схемы и знания не могут считаться строгими моделями, их эффективность и моделируемость выясняются в процессе реализации методологического проекта. Сама же эта реализация представляет собой итеративный процесс, в ходе ко-

торого уточняются и, если нужно, пересматриваются и замысел и схемы, и проект.

Добавление. Оценивая проект «Донор» как удачный, я не учел до конца российские социальные и политические условия. В 2011 г. прошли выборы в Думу и сменилось правительство. Голикову Президент поставил на другую работу. При этом оказалась, что вместе с ней ушли не только административный ресурс, но и методологическая команда, работавшая над проектом. В результате сменились приоритеты, проект остался без поддержки, и он захирел. Снова не хватает крови для больных, снова острая проблема. К сожалению, похожая судьба у многих российских социальных проектов.

Продумывая условия реализации социальных проектов, можно указать следующие моменты. Социальный проект, вероятнее всего обречен на неудачу, если

- нет реальных заказчиков и потребности (очень часто в советский период проекты образцовых районов или учреждений обслуживания должны были всего лишь продемонстрировать заботу власти о населении; к сожалению, и сегодня таких проектов немало);
- социальность устроена таким образом, что блокирует реализацию социальных проектов (в этой связи можно говорить о «принципиально нереализуемых проектах»; в советское время таких было большинство, да и сейчас немало);
- не сложилась команда, включающая методологов, социологов и других исследователей и проектировщиков, обеспечивающая разработку и реализацию социального проекта;
- слабая административная поддержка и ресурсное обеспечение;
- не проведены необходимые для создания и реализации социального проекта исследования и разработки.

3. Методология типологических исследований и разработок

Необходимость данной работы диктуется сложившейся ситуацией, когда старые типологии объектов архитектурного проектирования практически исчерпали свой потенциал, а новых еще не создано. Существенно изменились как социокультурные условия функционирования объектов архитектуры, так и характер их проектирования и строительства. Архитекторы, внимательные к происходящему, отмечают, что

типологические исследования практически перестали проводиться, начиная с 90-х годов, когда Госгражданстрой сместил акценты с объектов нового строительства на потребителей, а внедрение новых типов институций, организаций и учреждений стало прерогативой неправительственных, некоммерческих организаций, фондов, отдельных граждан. Такая ситуация была терпима, отмечает Николай Прянишников, много лет работавший в прикладной архитектурной науке, поскольку еще действовала старая нормативная база, и существовали прикладные проработки по отдельным зданиям, а проектирование велось квалифицированными архитекторами старой школы, свободно владевшими прикладными знаниями.

В настоящее время ситуация кардинально изменилась. Во-первых, российские архитекторы сегодня вынуждены конкурировать с зарубежными проектировщиками, которые оказались лучше оснащенными в типологическом отношении. Во-вторых, после долгой «спячки» современные управленцы перешли к реформированию отраслей, включающих в том числе и объекты культуры, а также преобразование городской среды. В этих условиях срочно стали необходимы системы стандартов различных учреждений социальной сферы, квалифицированные методы оценки (рейтингования) существующих объектов, включающих как оценку работы, квалификации персонала, так и оценку качества среды (зданий, участков, расположения). Такая работа стала осуществляться в «пожарном» порядке, зачастую организациями, не имеющими необходимых для этого компетенций. При этом чаще всего выигрывают временные трудовые коллективы из социологов, а архитекторы и урбанисты в состав таких групп не включаются. В то же время все подобные работы не могут строиться на основе личного профессионального опыта, они нуждаются в обоснованной современной типологии, которая отсутствует.

В современных типологических разработках заинтересованы, по меньшей мере, три социальные субъекта. Это, во-первых, сами проектировщики и архитекторы. Во-вторых, власти разных уровней, начиная с местного и муниципального управления. В-третьих, и пока в меньшей степени (но в дальнейшем, вероятно, значение этой категории возрастет) различные «инициативные сообщества» (НКО, городские активисты, руководители волонтерских движений, благотворительные фонды). Каждого из названных социальных субъектов типология интересует под углом своего ин-

тереса (подхода), но, естественно, есть и пересекающиеся, общие характеристики.

3.1. Особенности традиционной типологии и необходимость обновления

Может показаться, что типология объектов архитектурного проектирования представляет собой теоретическое описание (упорядочение и обобщение) складывающегося в практике поля объектов проектирования и строительства. Это не так, типология городского и сельского жилья и учреждений обслуживания – это сложная реальность, детерминируемая несколькими фундаментальными факторами:

- **принципами и способами организации социальной жизни** (соцгород, ступенчатая система городского обслуживания, залы общественных зданий как формы коллективного общения, в настоящее время социологические и урбанистические концепции и пр.);
 - **разными стратегиями проектирования и строительства** (типовое и индивидуальное проектирование, проектировании жилья и общественных зданий, городских центров, зон отдыха и промышленных зон и т.п.);
 - **социально-экономическими условиями;**
 - **системными (полевыми) характеристиками городской среды (транспортные коммуникации, расположение относительно центров и периферии, а также зон городской жизнедеятельности).**
- Традиционный тип архитектурного объекта задавался на основе указанных факторов. Для него характерны следующие четыре основные понятийные характеристики.
- **институциональные** (ориентация на определенные типы пользователей, миссия или назначение объекта, основные процедуры функционирования, организация и особенности управления)⁶;
 - **системные** (привязка к «месту» в системе города, доступность, уровень обслуживания);
 - **функционально-пространственные** (назначение помещений и зон, особенности пространственной организации);
 - **нормативные** (собственно типологическая характеристика в соответствующих документах –

⁶ Розин В.М. Становление и особенности социальных институтов. Культурно-исторический и методологический анализ. М., 2012.

ГОСТах, СНиПах, нормах, альбомах проектных решений, типовых проектах).

Если при социализме государство и его институты определяли основные типы объектов и их размещение в городе, в том числе на основе различных норм (ГОСТы, СНиПы, нормы, альбомы проектных решений, типовые проекты), то в настоящее время действуют две силы. Первая – рыночные отношения, скорректированные «правилами игры» властей разных уровней. Вторая – старые (чуть отредактированные и адаптированные к новым обстоятельствам) нормы. Новые запросы традиционных и новых потребителей, расчет на получение прибыли обусловили и новые механизмы проектирования и строительства. Быстро проектируются, строятся и вводятся в строй объекты, обещающие прибыль или те, которые нужны властям для различных целей (плановых, политических, коррупционных и пр.). Но поскольку обе указанные силы не согласованы между собой, постоянно наблюдаются дисбалансы: в одних «точках» и зонах города переизбыток объектов (например, дорогих магазинов и торговых центров), в других их нехватка (например, детских садов); строятся много традиционных типов, хотя большая потребность в новых, для которых еще нет норм.

Указанные здесь изменения и проблемы, конечно, не случайны. Они вызваны как общесовременными процессами, так и сугубо отечественными. В связи с этим можно говорить о двойном переходе: 1) *от социалистических отношений к смешанным*, с элементами становящегося капитализма, обновленного социализма и маскирующегося под них обоих нового феодализма и 2) *от традиционного национального государства к одной из субкультур глобальной цивилизации*. Другая важная черта российской действительности – огромное разнообразие социокультурных ситуаций (мегаполисы, большие, средние и малые города, регионы, почти каждый с разными условиями жизни, север и юг, запад и восток, места преимущественного проживания разных конфессий и т.д.). Еще одна особенность, отчасти связанная с процессами глобализации и распадом российской империи, волны миграции и сепаратистские тенденции властных элит. Стоит отметить и такую новую закономерность: с каждым годом увеличивается число частично работающего или вообще неработающего населения (по некоторым подсчетам в России их уже больше 10-15 мил.).

На фоне этих социокультурных процессов складываются новые популяции, которые являются потенциальными или актуальными заказчиками для архитек-

торов и проектировщиков. В качестве примера можно указать на быстро складывающиеся в мегаполисах и регионах национальные диаспоры, наемных специалистов, неработающее население, церкви разных конфессий и верующих, богачей и бедных, средний класс, автомобилистов, пользователей компьютеров и мобильной связи, владельцев домашних животных и т.д. и т.п. Не менее важную роль играет досуговая революция: все больше россиян втягиваются в образ жизни, важной составляющей которой являются развлечения, общение, шопинг, удовлетворение других ценностей интересной с их точки зрения жизни.

Но если существенно меняется поведение человека в городской и жилой среде, то очевидно необходим анализ и конституирование сценариев такого поведения. Если в прошлом эти сценарии задавались идеологиями социализма или совокупным действием сложившихся социальных институтов, то в настоящее время ситуация кардинально меняется. Появился заказчик (и частный инвестор и новые институты государства), который заинтересован в том, чтобы архитектор реализовал именно его идеалы, желания и требования, и при этом предприятие в целом было бы экономически выгодным. Кардинально меняются представления о том, что такое хорошо, красиво, удобно, эффективно. «Социальный идеолог», действуя посредством архитектора, уже больше не может (хотя иногда и пытается) навязывать горожанину привычные сложившиеся схемы поведения и гештальты среды. Драматизм ситуации, однако, в том, что пока все участники процесса мыслят и видят традиционно, т.е. схемами и прототипами старых социальных отношений, форм поведения, средовых и морфологических реализаций.

Вряд ли в настоящее время можно идеологически и нормативно задавать сценарии поведения человека в сложной среде. Тем не менее, их как-то нужно задавать, чтобы, например, с одной стороны, симфонические оркестры не соседствовали рядом с катками и ресторанами (МЕГА Теплый Стан) и за стеной у педагогов и врачей не жили гастарбайтеры, с другой – можно было бы выходить на реалистические схемы поведения человека, которые удастся реализовать в рамках среды, созданной архитектором и строителем, с третьей стороны, проектировщик мог бы удовлетворять запросы городского населения и новых складывающихся буквально на наших глазах популяций. На что, спрашивается, нужно ориентироваться при разработке подобных сценариев поведения человека в сложной среде: анализ реально складывающихся форм поведения, социальные

идеалы, экономические и технологические возможности и ограничения, желания заказчиков и т.д.? Если на все это вместе, то, что для тех или иных проектных задач выступает ведущими факторами?

3.2. В поисках нового подхода

Что у нас есть? Не устраивающая нас типология объектов архитектурного проектирования. Но это не означает, что её нужно просто отбросить. Напротив, нужно начать именно с неё. Во-первых, потому, что наши города, учреждения, жилье созданы в рамках именно этой типологии и определяют жизнедеятельность человека в городе (и еще долго будут определять). Во-вторых, намеченные преобразования и изменения в сложной среде будут происходить постепенно и должны снимать в себе лучшие черты существующего. Начать можно с анализа «узких мест» и проблем, которые имеют место в отдельных типах учреждений городского обслуживания.

Но это только первый шаг, причем не имеющий дело с целым. Целое – система учреждений городского обслуживания, система жилья. Поясню. Здесь важно рассмотреть два момента: *изменение представлений о самом типе*, а также *влияние на него городской среды и жизнедеятельности горожан*.

В настоящее время представления о типах архитектурно-строительных объектов меняются. В плане институциональных характеристик можно говорить, во-первых, о новых ориентациях в отношении пользователей (богатые, средний класс, бедные; интересующиеся, прежде всего, развлечениями и проведением досуга; более дифференцированные и многочисленные аудитории по интересам и пр.). Во-вторых, существенно изменились формы управления и организации данными объектами (яркий пример фирменные сети магазинов, живущие, как по рыночным, так и корпоративным законам; не могут они, конечно, не учитывать и «правила игры», устанавливаемые нашими, не всегда бескорыстными, властями).

Миссия архитектурно-строительного объекта все чаще дополняется его брендом или *именем*, обозначающим не только данный конкретный объект (индивид), но и его ценность в системе других подобных объектов.

Существенно изменились и системные характеристики: архитектурно-строительные объекты основательно «сели» на транспортные коммуникации (как бы удовлетворяя принципам «функциональной системы

обслуживания», разработанной еще в 60-70 годы группой российских социологов и архитекторов – Б.В. Сагонов, М. А. Орлов, И.Р. Федосеева, А.Г. Раппапорт), быстро «испарились» ступени обслуживания, зато на порядок усилились системные влияния и тяготения.

В определенной степени изменились и функционально-пространственные отношения: услуги, миссия и процедуры (программы функционирования объекта) все больше отделяются от привязок к морфологическим решениям.

Наконец, определенное значение имеют сегодня и хозяйственно-экономические характеристики объекта (прежде всего, источники ресурсов – самостоятельная экономическая деятельность, гособеспечение, и то и другое).

Теперь второй момент. В выступлениях Глазычева иногда звучала мысль, что в городе каждая ситуация уникальна (и каждый город – уникален и индивидуален). Не отрицая этого тезиса, необходимо признать и другой, а именно, в городе (учреждении, жилище) много типологически похожих ситуаций, т. е. с примерно одинаковыми условиями и характером жизнедеятельности. Например, транспорт создает точки и зоны с примерно одинаковой доступностью. Центры, спальные районы и рекреационные зоны диктуют похожие и между собой различающиеся формы жизнедеятельности и поведения. Пребывание человека дома или на работе, или в учреждении обслуживания в плане поведения характеризуется сходными сценариями. Причем этот тезис не противоречит первому: сходство и тип задаются по отношению к одним задачам, которые решает проектировщик, а уникальность – по отношению к другим.

Поскольку типы архитектурно-строительных объектов задаются на пересечении институциональных характеристик с системными, целое, подлежащее типологическому рассмотрению, представляют собой системы (системы кинотеатров, театров, магазинов, школ, жилищ и т.д.; системы объектов, расположенных в центрах, в спальных или промышленных районах и т.д.). В силу указанной двойственности (рыночные отношения и старые нормы) и их несогласованности, а также потребности в новых типах архитектурно-строительных объектов, указанные системы нуждаются в оптимизации и модернизации. На что при этом может опираться управленец и проектировщик?

С одной стороны, конечно, на опыт и интуицию, с другой – на социальные знания, характеризующие

реально сложившиеся системы, с третьей стороны, на желательное состояния таких систем, с четвертой – нужно также учесть существующие ресурсы и ограничения.

Нужно исходить не из абстрактных требований и желательных социальных идеалов, а из того, что *город уже сложился* и любые новообразования, создаваемые проектированием и строительством *должны быть вписаны в городской организм*, причем, естественно, необходимо стремиться улучшать жизнь, а не создавать новые проблемы. Не означает ли сказанное, что в этом случае необходимым условием нового строительства выступает исследование сложившихся целостных форм городской жизни. Рассмотрим для примера сеть кинотеатров. Проведенное социологическое исследование показало, что основную массу кинозрителей составляет молодежь, что выбор горожанином посещения кинотеатра зависит от его доступности, привлекательности киноуслуги, возможности совместить кинопросмотр с другими видами досуга и жизнедеятельности, привлекательности и доступности других, конкурирующих в городе с киноуслугами, видов досуга⁷. То есть выбор кинотеатра – феномен явно системный и полевой.

Нетрудно сообразить, что для каждой системы в городе (системы жилья, сети магазинов, театров, клубов, учреждений бытового обслуживания и т.д.) социологические исследования позволят выделить свои, специфические закономерности, хотя, конечно, какие-то общие черты будут.

По отношению к уже сложившимся системам учреждений городского обслуживания и жилья могут решаться две основные задачи: **добавление (вписывание) в сложившуюся систему новых учреждений или жилых домов и оптимизация систем**. В последнем случае предварительное условие – обсуждение концепции и критериев оптимизации. В другом языке – это проблема конституирования желательных форм жизнедеятельности и поведения человека в сложной городской среде. Например, каково желательное поведение кинозрителя? Нужно ответить примерно на такие вопросы. Должно ли кино только развлекать или параллельно оно должно воспитывать, формировать у посетителей кинотеатров нужные государству или об-

ществу тренды, ценности, картины реальности и сценарии поведения? Можно ли и нужно ли создавать при кинотеатрах клубы и общества кинолюбителей, а также обеспечивать условия для обсуждения просмотренных фильмов? До какой степени целесообразно насыщать кинотеатр досуговыми и другим развлекательными функциями? Какие функции противопоказаны кинотеатрам? Что собой представляет просмотр кино в других неспециализированных типах учреждений (торговых центрах, домах отдыха и пр.). С какими типами досуга и более широко занятия сочетается кинопросмотр, а с какими он не сочетается? В чем различие киноповедения для разных категорий горожан? Где лучше всего строить кинотеатры, имея в виду разные типы посетителей и разные условия

Получив ответы и решения по поводу желательного общего поведения горожан, а также, зная, как они ведут себя реально в сложной среде, можно приступить к анализу и конституированию жизнедеятельности и поведения в типовых ситуациях и объектах. Например, определить, какие схемы киноповедения молодежи (работающих, пенсионеров и пр.) наиболее вероятны и могут быть реализованы в центре города, в подцентрах, в зонах рекреации, в конкретных районах города, а также в кинотеатрах, торговых центрах и пр. При этом должны учитываться планы развития города и отдельных районов, экономические возможности (запланированные деньги, инвестиции разного рода), возможная реакция общественности, и, что достаточно существенно, последствия для других видов жизнедеятельности и досуга.

Если же речь идет о первой задаче (вписывания нового объекта в сложившуюся систему), то достаточно очевидно, что необходимое условие её решения – **проведение предпроектных исследований**, причем не формальных, как это часто бывает в настоящее время. Дело в том, что конкретная ситуация и объект – не только относятся к тому или иному типу, но и всегда уникальны. Чтобы понять и первое (с каким именно типом проектировщику придется иметь дело) и второе (какие уникальные особенности ситуации и объекта он должен обязательно учесть), и нужно предпроектное исследование. Необходимо оно и в том случае, когда задание на проектирование вроде бы относится не к типовому случаю. «Вроде бы» потому, что в этом еще нужно убедиться, т.е. в ходе предпроектных исследований еще нужно понять,

⁷ Жукова Т.М., Сазонов Б.В. Социокультурные проблемы в муниципальном управлении. М., Изд. ЛКИ, 2007.

а нельзя ли все-таки данный случай свести к типовому. В том случае, если все же нельзя, предпроектное исследование позволит определить соответствующие необходимые для проектирования характеристики ситуации и объекта. На основе предпроектных исследований уже можно будет сформировать обоснованное техническое задание (ТЗ). В том числе выявить реалистичность запросов заказчика и скорректировать предлагаемое им задание. Если же оно не реалистично, предложить другие варианты и под них типы.

Реализация этой стратегии может приводить к двум разным случаям. Первый, архитектору удастся создать проект, ориентируясь на существующую типологию, так сказать в её рамках. Второй, он, по сути, разрабатывает принципиально новый объект, для которого в существующей типологии нет аналога. В этом втором случае созданный проект должен проходить согласование в соответствующих инстанциях и институтах.

Стоит заметить, что оптимизация системы может осуществляться (должна осуществляться) именно за счет решения первой задачи: вписывая в сложившуюся систему новый архитектурный объект, проектировщик должен продумывать те новшества, которые нужно реализовать относительно данного объекта и которые будут способствовать оптимизации.

Именно на этапе решения обоих указанных задач (вписывания в сложившуюся систему и оптимизации) проектировщику необходима современная типология (типологические разработки). При этом она может пониматься по-разному: как **типология архитектурных объектов** (жилищ, кинотеатров, клубов, центров и пр.) и как **«типология» (принципиальные схемы) форм поведения горожан в тех или иных ситуациях и условиях**. Первый вариант – традиционное решение вопроса, второй – современное, но и проблематичное. Причем и первый и второй варианты основываются на схемах жизнедеятельности и поведения. Рассмотрим сначала первый вариант.

Построенные схемы жизнедеятельности и поведения в типовых ситуациях и объектах позволяют скорректировать существующую типологию и добавить в неё новые типы. Эту работу можно рассматривать и как построение новой типологии объектов архитектурного проектирования в условиях современной социокультурной ситуации и трендов развития. При этом придется решать два разных класса

задач: создавать *новые типы* (для новых типов потребителей, поведения, условий) и модернизировать существующие типы, сохраняя их основные типологические особенности.

При построении такой типологии нужно опираться на указанные выше характеристики типа (институциональные, системные, хозяйственно-экономические, функционально-пространственные, нормативные, с теми изменениями, на которые мы указали выше).

Особо стоит оговорить нормативный характер новой типологии. Новая типология должна пониматься не как система строгих предписаний, а как в широком смысле рамка для деятельности архитектора (проектировщика), управленца и руководителей инициативных сообществ. С одной стороны, новая типология должна быть дополнена *иллюстрациями удачных проектных решений*, с другой – *перечнями минимальных и рамочных ограничений*. Минимальных, в том смысле, что указываются границы, ниже которых проектировщик не может идти (например, высота таких-то помещений не может быть ниже таких-то размеров, площадь стоянок для автомобилей в таких-то ситуациях не меньше столько-то квадратных метров). Рамочных, в том отношении, что многие ограничения должны задаваться не конкретно, а через указание процедур и принципов, выводящих проектировщика в конкретной ситуации уже на точные ограничения. Теперь второй вариант.

Его необходимость обусловлена новыми условиями и многообразием конкретных ситуаций проектирования. Дело в том, что самая совершенная типология архитектурных объектов, которую мы можем сегодня помыслить, все же будет входить в противоречие с реальными запросами заказчиков и реальными проблемами, которые приходится решать в ходе проектирования. И многие архитекторы склоняются именно ко второму варианту, т.е. типологии форм поведения, а не типологии архитектурных объектов. Понятно, что такое решение, конечно, будет стоить дороже, ведь типовое проектирование значительно дешевле. Кроме того, выбор в пользу второго варианта означает необходимость реформы всего проектного дела в стране, в том числе архитектурного образования. Однако второй вариант больше отвечает современным вызовам времени и требованиям со стороны заказчика. Думаю, решать эту дилем-

Политика и общество 5 (101) • 2013

му придется не только ученым и методологам, но главным образом обществу в целом и профессиональному сообществу архитекторов и строителей.

Библиография:

1. Жукова Т.М., Сазонов Б.В. Социокультурные проблемы в муниципальном управлении. М., Изд. ЛКИ, 2007.
2. Мирзоев С.Б. «Институциональная коррупция» 18.02.2011. <http://www.fondgp/lib/seminar/2010-2011/institut/6>.
3. Розин В.М. Проектирование как объект философско-методологического исследования // Вопросы философии. 1984. № 10.
4. Розин В.М. Философия техники. От египетских пирамид до виртуальных реальностей. М., 2001.
5. Розин В.М. Становление и особенности социальных институтов. М., 2012.

6. <http://www.yadonor.ru>
7. http://www.yadonor.ru/ru/service/interviu/index.php?id_41=38

References (transliteration):

1. Zhukova T.M., Sazonov B.V. Sotsiokul'turnye problemy v munitsipal'nom upravlenii. M., Izd. LKI, 2007.
2. Mirzoev S.B. «Institutsionnaya korruptsiya» 18.02.2011. <http://www.fondgp/lib/seminar/2010-2011/institut/6>.
3. Rozin V.M. Proektirovanie kak ob'ekt filosofskometodologicheskogo issledovaniya // Voprosy filosofii. 1984. № 10.
4. Rozin V.M. Filosofiya tekhniki. Ot egipetskikh piramid do virtual'nykh real'nostey. M., 2001.
5. Rozin V.M. Stanovlenie i osobennosti sotsial'nykh institutov. M., 2012.